

Кисло-сладкий вкус конфет разлился по языку ребёнка, будто расцвёл всеми красками радуги прямо у него на вкусовых рецепторах.

— Вкусно! — радостно пробормотал малыш, перекатывая конфеты по рту. Щёки у него надулись, как мячики. — Бабушка, это со вкусом сливы!

Старушка, конечно, не разделяла наивной радости ребёнка. Её лицо потемнело, веки опустились тяжело, как шторы. Она метнула один вэнь в корзину перед Цинь Хэ, словно монета жгла ей руки.

— Деньги отдала! — буркнула и схватила малыша за руку, чтобы скорее утащить прочь, будто у неё за спиной горел пожар.

Но стоило могучему Куй У встать в полный рост, как старушку тут же передёрнуло от страха. Ноги у неё подкосились, она пошатнулась, едва не упав. Рывок, которым она дёрнула малыша, оказался чересчур резким, тот заскулил и разревелся в голос. Однако на этот раз бабушка не стала, как обычно, уговаривать и утешать его. Она с ужасом обернулась на Куй У, в панике уронила башмак с ноги и пустилась наутёк.

— Ладно, это же ребёнок, ручки-то у него маленькие - много не унес, — Цинь Хэ потянул Куй У за рукав, не давая ему вмешиваться.

А в это время старушка уже вернулась, прихрамывая, схватила башмак, и, не надевая его, унеслась прочь, топая в одном застиранном носке неясного цвета. Вокруг раздался дружный хохот, и даже малыш, не понимая причины веселья, тёр слёзы и смеялся, заразившись настроением толпы.

— Впредь просто поосторожнее, — тихо сказал Цинь Хэ. — Не стоит оно того.

У Куй У в тёмных, суровых глазах всё ещё стоял мрачный блеск, но он сдержался и не пошёл следом за старушкой.

Стоявшая рядом молодая девушка, наблюдавшая за всем, прикрыла рот ладошкой, сдерживая смех, а потом фыркнула с презрением:

— В последнее время таких старых бабушек, что прикрываются возрастом, всё больше и больше. Была бы тут вместо тебя бойкая молодка, так уж давно бы ей старую кожу спустила!

Цинь Хэ только улыбнулся, не обратив внимания:

— Торговля и есть торговля, чего только не увидишь. Обычная старуха, пустяки. Начни я спорить, закатили бы скандал на весь город. Хоть мой далан и мог бы вытрясти с неё каждый вэнь, но после такого кто бы у нас ещё купил?

Девушка прищурилась:

— А ты не боишься, что кто-нибудь другой увидит и тоже решит схитрить?

Цинь Хэ с усмешкой взглянул на внушительного молодого человека, стоявшего рядом, излучая уверенность и гордость:

— Я думаю, пока рядом мой муж, вряд ли найдётся кто-то настолько слепой. То, что произошло - просто неожиданность. Впредь я буду внимательнее, чтобы не давать повода. А что до других неприятностей... с моим талантом, я не думаю, что есть что-то, с чем мы не справимся. Ссориться со старухой? Мне просто лень.

Молодая девушка бросила взгляд на Куй У, а тот холодно и бесстрастно посмотрел на неё. Встретившись с его мрачным взглядом, она испугалась и инстинктивно отступила на полшага, лицо застыло, будто он её окатил ледяной водой. Попыталась улыбнуться, не вышло.

Сухо откашлявшись, она пробормотала:

— Ну... дай мне тогда два ляна.

Цинь Хэ достал маленькие весы, аккуратно отмерил два ляна (примерно 100 граммов), и, всё так же с лёгкой улыбкой, протянул:

— Семь взней.

Для такого мелкого товара покупатели обычно приносили свои плетёные корзинки. Бумага в эпоху Юнци стоила недёшево, даже обёрточная промасленная стоила денег, так что использовать её для упаковки каждой горсти конфет значило бы работать в убыток.

Молодая девушка не взяла с собой овощную корзинку, поэтому просто развернула свой надушенный платочек и завернула в него конфеты. Взяв их в руки, она заметила, как те переливаются на белом фоне платка всеми цветами радуги, и, не удержавшись, сразу сунула одну в рот. Кисло-сладкий вкус моментально разлился по языку. Это был вовсе не тот приторный сахар, к которому она привыкла.

Брови девушки удивлённо приподнялись, она с радостным выражением лица снова выбрала одну - мягкую, ярко окрашенную, облепленную сахарными кристаллами. На вкус она оказалась как раз в меру сладкой, сахар не перебивал привкус засахаренных фруктов, напротив, подчёркивал его. Такой вкус идеально соответствовал предпочтениям жителей Юнци, которые любили сладкое.

— Вкусно, — восхищённо сказала она. — Каждому цвету соответствует свой вкус!

Она бережно завернула платочек обратно, собираясь отнести конфеты домой угостить младших брата и сестру.

— Никогда раньше не ела ничего подобного: и кислинка, как у цукатов, и сахарная сладость. Прямо как будто за одну цену купила сразу два лакомства.

Цинь Хэ не стал особенно распространяться, боялся, что кто-нибудь догадается, как он делает свои сладости. Он просто с улыбкой сказал:

— Раз уж девушке понравилось и вы считаете, что товар стоит своих денег, тогда прошу заходить почаще. В следующий раз, когда придёте, я подарю вам ещё одну конфетку с тем вкусом, что вы больше всего любите.

— Правда? Тогда заранее благодарю! — обрадовалась девушка. — К праздникам мы всё равно будем покупать сладости, может, даже целый цзинь. Тогда я приду именно к вам!

— Конечно, договорились. Когда придёте, просто напомните про сегодняшний день, я вам сделаю скидку, на вэнь меньше за цзинь.

— Вот и ладушки! — довольная, она ушла.

Цинь Хэ аккуратно убрал полученные семь вэнь в кошелёк, добавил к ним и тот самый медный вэнь от старухи, встряхнул кошель, и оттуда зазвенел чистый, звонкий звук - медяшки весело сталкивались друг с другом.

А Куй У, глядя на своего супруга с такими радостными, смеющимися глазами, и сам почувствовал, как на душе стало светло. Он даже задумался, а не отдать ли Цинь Хэ все спрятанное дома серебро? Наверняка тот обрадуется. Такой человек всего-то восемь вэнь заработал, а уже доволен, ну как его не любить?

Внешний город, усадьба семьи Ли.

Госпожа Ли вяло лежала на тахте, две милостивые служанки предлагали ей два подноса: один был наполнен засахаренными фруктами, другой фирменными пирожными.

Младшая служанка сказала:

— Госпожа, попробуйте ещё одну конфету, в последние дни ваш аппетит неважен, только засахаренные личи вы способны съесть пару штук.

Госпожа Ли даже не взглянула на подносы, закрыв глаза, покачала рукой:

— Не хочу, от сладкого у меня сухость в горле.

— Тогда я налью вам чашку чая с личи и семенами лотоса, — предложила служанка.

— Всё время одно и то же, я уже наелась досыта. Нет ли каких-нибудь свежих сладостей?

Младшая служанка повернулась, передала поднос старшей и слегка поклонилась:

— Я сейчас выйду и поищу.

У дверей привратник, заметив, что личная служанка вышла, поспешил к ней и спросил, подражая вежливости:

— Люван-нянцзы, вы что-то опять за сладостями отправились?

— Ммм, — Люван-нянцзы высоко подняла подбородок, сверху вниз посмотрела на привратника и спросила: — В городе в последнее время появилось что-нибудь новенькое?

Привратник почесал голову:

— Я не знаю.

— Спрашивать тебя - всё равно что не спрашивать, что ты вообще знаешь, — фыркнула Люван-нянцзы и, отвернувшись, вышла из дома Ли.

Сначала она заглянула в несколько знакомых магазинов, но не нашла там ничего новенького и недовольно сказала:

— Хозяин, у тебя в лавке одни и те же сладости вот уже десятки лет. Есть тут вообще что-то съедобное? Неужели нельзя привезти что-нибудь свежее и необычное? Эти старые запасы моя госпожа уже до отвращения наелась.

Семейство Ли во внешнем городе считалось зажиточным. Госпожа Ли была большая сладкоежка - сладостей она перепробовала и во внешнем, и во внутреннем городе, и какой бы деликатес ни был, после трёх-четырёх раз он ей надоедал.

Но ведь она важная клиентка, и хозяин лавки не посмел бы высказать недовольство из-за привередливости. Только и мог, что с улыбкой и покорностью кивать.

Люван-нянцзы огляделась, но так и не нашла ничего нового, поэтому вышла из лавки. Обойдя ещё несколько мест, но всё так же не обнаружив ничего оригинального, она начала

волноваться - вышла с поручением, а если не принесёт чего-нибудь особенного, чтобы порадовать госпожу, та ещё и накажет. Тогда она решила заглянуть в лавку хучжэней.

Она только подошла ко входу в лавку, как увидела возле небольшого уличного прилавка несколько столпившихся женщин с детьми. Люван-нянцзы немного подумала и тоже подошла поближе.

— Молодой человек, у тебя такие необычные сладости. Они ещё и мягкие бывают? — спросила одна женщина.

— Это мягкие леденцы, их нужно жевать. По сравнению с твёрдыми у них совсем другой вкус, — отвечал Цинь Хэ. Эти слова он уже повторял десятки раз, но совсем не устал, а с удовольствием продолжал снова и снова рассказывать, — Можете сначала купить немного попробовать. Понравится - в следующий раз приходите ещё. А если закажете у нас сладости к празднику, я с каждого цзиня буду скидывать по одному вэню.

Женщина засмеялась:

— Ещё не знаю, вкусно ли у тебя, а ты уже на мой кошелёк глаз положил. Торгуешь ты, гляжу, с умом.

— Мам, — протянул мальчик, задрав голову, — я хочу попробовать.

Женщина посмотрела на лицо сына, полное жалостливой жажды, и сдалась:

— Ну ладно, отвесь один лян на пробу.

- Один лян - четыре вэня, — сказал Цинь Хэ.

Женщина тут же возразила:

— Почему четыре? Ты, что, обсчитать меня хочешь? У тебя же написано - один цзинь стоит 32 вэня!

Цинь Хэ не рассердился, а спокойно, мягким и приятным голосом объяснил:

— Если я буду продавать один лян по три вэня, то за цзинь получится всего 30. Тогда кто захочет покупать по цзиню? Все станут брать понемногу, так дешевле. А ведь если я в эту стужу сижу здесь и мёрзну, разве не заслуживаю хотя бы одного-двух вэней за труды? У нас мелкий бизнес, не чета тем, кто в ресторанах с одного стола по несколько лян серебром берёт. Что уж говорить о нескольких вэнях, там и сотню скинут без разговоров. Вот взять хотя бы тех, кто мясные баоцзы продаёт - два за пять вэней, а один за три. Всё по тому же принципу.

Женщина, конечно, понимала, что он прав, и не особо надеялась сбить цену, просто поторговаться хотелось.

— Ладно уж, пусть будет четыре. Заверни мне в этот платочек, пусть сын ест на ходу.

- Ладно! — весело откликнулся Цинь Хэ.

А вот когда Куй У увидел, что Цинь Хэ не перестаёт зазывать покупателей и суетиться, ему стало жаль своего супруга. Он потянулся, чтобы помочь взвешивать леденцы. Но уговаривать покупателей, торговаться и улыбаться - это не про него. После пары слов он уже злится и готов кулаками махать.

Когда раньше они возвращались с торгов из земель кочевников, цену за товар они с братьями устанавливали заранее. А вести переговоры с владельцами лавок поручали ловким молодым парням. Те хозяева уже давно знали нрав Куй У и понимали, что он цену просто так не поднимает. Если цену предлагал он, значит так и надо. Только если сумма была уж совсем невозможной, могли возразить. В остальном что скажет, то и берут.

Но стоило Куй У только потянуться за весами, как рядом вдруг закричала молодая женщина:

— Я не хочу, чтобы он взвешивал! Он слишком страшный! От его сладостей мне страшно, вдруг он их отравит? Или вдруг с ума сойдёт и нападет!

Куй У тут же округлил глаза и глянул на неё как медведь на добычу. Женщина взвизгнула, попятилась на три шага и вообще передумала что-либо покупать.

Цинь Хэ быстро перехватил весы и сам стал взвешивать, а вслух с мягкой улыбкой объяснил:

— У моего мужа просто лицо суровое от природы, но характер у него добрейший. Правда-правда, он просто немного молчалив и неловок в словах.

Женщина, сжимая в руке платочек, хлопала себя по груди, словно успокаивая испуганное сердце. Цинь Хэ аккуратно взвесил и передал ей сладости. Женщина вынула одну мягкую конфету и протянула её мальчику, которого держала за руку:

— Попробуй.

Мальчик сначала осторожно лизнул, и глаза его сразу загорелись от радости. Но съесть всю разом он не решился, слишком вкусно, жалко. Он откусил совсем крошечный кусочек, проглотил, и только потом взялся за следующий. Наблюдая, как ребёнок с таким трепетом ест конфету, можно было подумать, что это какое-то небывалое лакомство, редкое и драгоценное. Поодаль двое других детей, следивших за происходящим, начали сглатывать слюнки, и тут же затребоваали, чтобы им тоже купили.

— И мне взвесь два лян, — сказала одна из женщин, — попробую. Если вкусно, конфеты к празднику куплю только у тебя. Только ты уж тогда и мне уступи в цене, не будь к одним добр, а к другим нет.

С этими словами она многозначительно скосила взгляд в сторону той молодой женщины, которая купила первой, - она явно слышала их разговор.

Цинь Хэ с улыбкой ответил:

— Обязательно.

— Тогда и я возьму два лян попробовать, — сказала другая женщина.

На глазах у всех горсть ярких конфет на маленьком деревянном подносе была сметена в считанные мгновения. Глядя на это, Люван-нянцзы заволновалась - она ведь ещё не купила! Она резко оттолкнула двух женщин, стоявших у прилавка, и бесцеремонно втиснулась вперёд.

— Остальное беру всё! Заворачивай! — сказала она с важностью, взмахнув рукой. Богато, по-господски.

Женщины, что стояли рядом и только собирались сделать покупку, увидев, как все сладости перекупила одна, тут же почувствовали, будто упустили что-то важное, и начали возмущаться:

— Маленькая госпожа, уступите немного, дайте моему сыну хоть попробовать. Всё равно ведь вам столько не съесть. Возьмите немного поменьше, если понравится, завтра ещё купите, — сказала одна.

— Вот именно! — поддержала её другая. — Смотрите, я тоже с ребёнком, и мы стоим тут уже давно. Если уйдём ни с чем - это нехорошо.

Но Люван-нянцзы и слушать не стала. Задрвав подбородок, она надменно ответила:

— У нас в доме народу много - всё съедим!

Цинь Хэ испугался, что женщины начнут ссориться, и поспешил вмешаться:

— Уважаемые госпожи, если вам понравилось, приходите завтра. Я каждой из вас подарю по две конфетки в качестве извинения.

Женщины немного подумали - подождать всего день, зато получить две конфеты даром. Пусть они и маленькие, и вроде не такое уж богатство, но ведь бесплатное. Тем более, покупка и не

была такой уж срочной. Уходя, они всё же напомнили Цинь Хэ, чтобы тот не забыл про обещание, иначе они не простят.

Цинь Хэ, конечно же, с улыбкой пообещал, что всё помнит.

Тут Люван-нянцзы усмехнулась:

— Уж больно ты ловко торгуешь, парень.

— Просто пытаюсь заработать на кусок хлеба, — скромно ответил Цинь Хэ. — В наше время это непросто.

— Это точно, — кивнула Люван-нянцзы. — Сколько с меня?

— Все эти яркие стоят по тридцать две вэня за цзинь. А две белые с вкусом личи и лонгана - подороже. Личи - сорок вэнь, лонган - сорок три. Вместе они весят ровно один цзинь.

Цинь Хэ, окидывая взглядом наряд Люван-нянцзы - дорогая ткань, шелковый платочек, чистые вышитые туфли, браслет из неплохого нефрита. Он сразу догадался: это явно личная служанка какой-нибудь знатной госпожи. Наладить хорошие отношения с такой служанкой - дело стоящее, пользы в будущем будет немало.

Цинь Хэ тут же продолжил с улыбкой:

— Этот ценник я обычно никому не сбрасываю. Но вы, барышня, совсем не такая, как все. Так что пусть будет всего сорок пять вэнь.

Люван-нянцзы не спешила отдавать деньги, а Цинь Хэ лишь внимательно смотрел на нее своими красивыми глазами.

— Только, прошу, не рассказывайте никому о цене, — добавил он шепотом. — А то все захотят по такой цене, а я ведь тогда в убытке останусь.

Люван-нянцзы сразу поняла намёк: эти три вэня - её «откат». Их можно не включать в отчёт перед госпожой, и Цинь Хэ никому об этом не скажет.

— Ты, я гляжу, в торговле просто мастер, — усмехнулась она с удовлетворением. — Ладно, можешь не волноваться, я похвалю тебя перед своей госпожой. Но при одном условии, если ей и правда понравится. А если не понравится, я ж не могу её силой заставить покупать.

— Я всё понимаю, — почтительно кивнул Цинь Хэ.

— Ну и прекрасно.

Люван-нянцзы изначально пришла за покупками, с собой у неё была собственная плетёная корзиночка. Теперь, купив всё, что нужно, она даже не пошла больше в магазин хучжэней, а сразу повернула обратно.

<http://bllate.org/book/13598/1205829>